

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Чжан Линьлинь

«Математическое мышление как основа мифопоэтики в романах А. Белого и Е.И. Замятина («Петербург» и «Мы»)), представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности

5.9.1. - Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Актуальность работы. Диссертационное исследование направлено на изучение проблемы, если сформулировать ее в широком смысле, касающейся взаимодействия естественно-научного знания и художественного творчества. Нельзя сказать, что ей уделяется слишком большое внимание в отечественном литературоведении. Уже в силу этого тема, заявленная в диссертации Чжан Линьлинь, представляется теоретически актуальной.

Кроме того, не подлежит сомнению уместность и актуальность рецензируемого кандидатского исследования и с историко-литературной точки зрения. Объект исследования соискателя - два культовых романа первой половины XX века, в мифопоэтике которых автор находит некое философское общее основание. Историко-литературная значимость этих романов в отечественном и мировом литературном процессе чрезвычайно велика, и они нуждаются в новом осмыслении, успешная попытка которого представлена в рецензируемой работе. Структура оппонируемой работы весьма конструктивна, тщательно продумана, подробно сегментирована и содержательно целесообразна. Пересказывать ее в отзыве поистине не имеет смысла.

Степень обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна. Достоинством работы является скрупулезная история вопроса и внушительная теоретико - методологическая база, которую составляют труды ведущих отечественных и зарубежных специалистов. Это одно из подтверждений верификации достоверности полученных результатов и обоснованности выдвинутых научных положений.

Ключевая роль для адекватной оценки данного квалификационного исследования принадлежит второму разделу первой главы, где рассматриваются

взаимосвязанные теоретические категории, важные для формирования концепции работы: «текстопорождающее пространство» «петербургский миф», «ризомное мышление», и далее демонстрируется, как эта теория воплощается в романах «Петербург» и «Мы», трактуемых диссертанткой как варианты «петербургского мифа». Чжан Линьлинь показывает, что ризомное мышление авторов обуславливает изображение человеческой жизни, социальной действительности, культуры как дискурсивной реальности, она прерывается, ломается, рвется, пускает новые корни в самых неподходящих местах, движется множеством разных, не связанных друг с другом линий, она полицентрична и плюралистична.

В последующих главах работы закономерно сохраняется тот же смысловой потенциал в многообразных связях с идиопозтикой как Белого (вторая глава), так и Замятина (третья глава).

В частности, во второй главе проанализирована роль математики как организующего начала персонажной парадигмы в романе Белого, рассмотрена связь математических конструкторов и музыкального (шире - аудиального) начала. Опираясь на учение Н. Бугаева об аритмологии и утверждая, что оно повлияло на художественную онтологию Белого, диссертантка обнажает аритмологический характер звуковой образности в романе «Петербург». «Наличие различных значений для общего «переменного», - пишет она, - автор «Петербурга» демонстрирует с помощью ритмических узоров романа, сотканых в том числе из повторяющихся звуков и звукосочетаний (наряду с цветом, разумеется), которые выполняют и суггестивную функцию (с. 87).

Представляется ценным установление корреляции математики и живописи в романе «Петербург» с очень уместными и тонкими отсылками к живописно-математическим изысканиям (например, к его работе об обратной перспективе в иконописи) о Павла Флоренского, ученика Николая Бугаева и сомышленника Андрея Белого. Автор диссертации показывает, как сквозь цветистую образную ткань пространства Петербурга проступает его геометрическая основа - линии, кубы, шарообразные фигуры, которые непостижимым образом связаны с пространством «мозговой игры», которая тоже прочитывается уже не как геометрический, но стереометрический кластер, «мнимое пространство»,

выходящее за рамки трехмерного измерения.

Филигранный аналитический медальон в координатах экфрасиса представлен в заключительном подразделе главы, посвященном сопоставлению пространственной символики известной картины А. Бёклина и ее отражению в романе А. Белого.

Увлекательно наблюдать, как «отстоявшаяся» литературоведческая проблематика (поэтики сюжета, мотива, системы персонажей, хронотопа) оживляется, освежается, актуализируется при обращении к инновационным формам художественной интерпретации - сквозь призму математических категорий. Мир романа Белого обретает новое измерение - через проекцию стереометрических идей неевклидовой геометрии - Лобачевского и Римана и, конечно же, через аритмологию Николая Бугаева.

Смысловый потенциал романа-антиутопии Е. Замятина, скрупулезно изученный с филологических позиций классической поэтики, также подвергается не столько пересмотру, сколько дополнению, - с учетом возможностей, открывающихся через математическую оптику.

Мне могут возразить: математическая тематика и проблематика - одна из важнейших в романе «Мы», и она досконально рассмотрена замятиноведами. Чжан Линьлинь это понимает и скрупулезно ссылается на предшественников, перечисляя все их заслуги. Но ее интересует не только и не столько проблематика, сколько поэтика. Она пытается дать ответ на вопрос, каким образом математическое мышление Замятина проникает в структуру и словесную ткань повествования, как оно организует систему персонажей и архитектонику романа.

Анализируя художественный мир романа с точки зрения неевклидовой геометрии диссертантка, блистательно показывает, как в романе преломляется математическая идея «мнимых пространств». Опираясь на суждения Бретта Кука, она по-новому оценивает архетипический эффект двойничества и тройничества героев, рассматривает их структуру в рамках двумерного, трехмерного и четырехмерного пространства, анализируя образ заглавного героя, соискатель высказывает глубокие мысли о замятинской концепции личности. «Личность Д-503, - пишет диссертантка, -- метафора двойственности - и, возможно, не только человека как такового, но и русской души, а также художественная формула,

используемая Замятиным для выражения своего понимания художника» (с. 117).

В целом модус размышлений Чжан Линьлинь в этой главе смещен на метафизический диалог Андрея Белого и Замятина. Она показывает сходство черт персонажей обоих романов, многократные совпадения сюжетных ситуаций и убедительно доказывает генетическое родство романов. Эти остроумные выкладки - на манер доказательства теоремы - я так же причисляю к новым, оригинальным и наукоемким результатам исследования.

В целом выдвинутая гипотеза о влиянии философско-математического учения Николая Бугаева на целую плеяду литераторов и мыслителей Серебряного века, включая Белого и Замятина, по моему разумению, полностью доказана. И в этом я вижу большую заслугу Чжан Линьлинь, выводящую ее квалификационную работу на новый, весьма высокий научный и методологический уровень.

Новизна, теоретическая глубина и методологическая перспективность основных положений и выводов работы не вызывает никаких сомнений, тем более, что доказательная база весьма и весьма убедительна.

Однако по долгу оппонента выскажу несколько **замечаний**.

1. Диссертантка на странице 88 пишет: «Звуковые комплексы проявляют себя в романе и как образные ряды, и как сюжетные алгоритмы, и как «свидетельства» внутренней жизни личности. Они не только строят сюжеты и образы в своих произведениях, но и помогают читателю увидеть картину, или модель, мироустройства. Музыка и математика в миропонимании Белого, действительно, глубинно связаны, что проявляется в самой структуре его романа». Это и подобные этому суждения о контрапунктах, или в другом, уже не в сугубо музыкальном контексте, - о ритмических повторах и периодах, бинарных оппозициях кажутся вполне правомерными и приложимыми к ткани романа Белого.

Но дело в том, что они столь же приложимы ко многим другим текстам, что отчасти доказывается теми же структуралистами, также опирающимися на математический аппарат. Возьмем ли мы рассказ Л. Андреева «Красный смех», или стихотворный цикл М. Цветаевой «Стихи к Пушкину», мы найдем в них

«звуковые комплексы», которые проявляют себя «и как образные ряды, и как сюжетные алгоритмы, и как «свидетельства» внутренней жизни личности», то есть найдем все те аритмологические начала, что диссертант обнаружила и описала у Белого, хотя их авторы и слыхом не слыхивали ни об аритмологии, ни о Н. Бугаева. Не получается ли у нас «аритмология без берегов»? Не является ли математическое моделирование глубинной (подсознательной) подоплекой словесного искусства в целом?

2. В первом параграфе второй главы «Функциональность заглавий в романе А. Белого «Петербург» Чжан Линьлинь сравнивает топоним *Петербург* с онимом *Аблеухов* и утверждает, что фамилия одного из главных героев романа - производная, т.е. некая дифференцируемая функция от семантического комплекса не только города, но и заглавия романа. Я бы поддержала эту идею, однако ее доказательство строится на том, что в топониме и ониме присутствует звук «у», ср.: «Заглавие романа «Петербург» и имя главного героя Аполлона Аблеухова связаны с революцией через звукопись у» (с. 60). Мне представляется подобная аргументация слабоватой. Позволю себе ее усилить. Нарекая будущую столицу именем святого Петра, Петр Первый называл (сохранились документы и его письма) город *Петербурх*. В такой огласовке анафоническое родство города и героя, замыкающего на себе многие смысловые линии романа представляется более убедительным.

3. Мне представляется, что можно было бы найти еще один античный исток математической мифопоэтики романов Белого и Замятина – помимо Пифагора. Это Платон. У входа в платоновскую академию была надпись: «Не знаешь геометрии - не входи!» Иногда его геометрию связывают со прагматическими задачами. Но дело в том, что для Платона геометрические фигуры были неким *tertium comparationis* между миром ноуменальным и физическим. Ведь они, и оплотненны, видимы и бесплотны, как чистая идея, абстракция.

Что касается платоновских претекстов а романе «Мы», то поставлю гипотетический вопрос: не возникают ли у читателей ассоциации, когда автор повествует об ощущениях Д-503, попавшем за запретную Стену со знаменитой притчей Платона о Пещере? На мой взгляд, здесь есть явные переключки.

Очевидно, что сформулированные с позиции оппонента претензии не

касаются сущности проведенных исследований. По существу, представленная диссертация, весьма удачно излагающий ее содержание автореферат, а также соответствующие статусу квалификационной процедуры научные публикации диссертантки, вполне отвечают требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1. - «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Чжан Линьлинь заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. - «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук

(10.01.01 - русская литература),

профессор, заведующий

кафедрой истории журналистики и

литературы факультета журналистики

образовательного частного

учреждения высшего образования

«Московский университет

им. А.С. Грибоедова»

Кихней Любовь Геннадьевна

05.06.2024

111024, Москва,

шоссе Энтузиастов, д. 21.Московский университет

имени А.С. Грибоедова, факультет журналистики.

E-mail: сга@adm.iile.ru Раб. тел. : 8-495-673-74-19

Подпись проф. Л.Г. Кихней заверяю.

Проректор по аспирантуре и докторантуре

к. филол. н., доцент

Герейханова К.Ф.